ЮЛИЯ ХРОНИ

РЕЙТИНГ

ТЕБЯ УЖЕ ОЦЕНИЛИ

Если завтра никто не сможет
тебя оценить, ты будешь знать,

КТО ТЫ?

Юлия Хрони

Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже оценили. Роман-антиутопия о мире, где цифры решают, кто ты»

«Автор»
2026

Хрони Ю.

Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже оценили. Роман-антиутопия о мире, где цифры решают, кто ты» / Ю. Хрони — «Автор», 2026

В мире Александры Орловой человека оценивают раньше, чем успевают узнать.Рейтинг определяет, где ты будешь учиться, работать, жить и даже с кем тебе рекомендуют строить отношения. У семнадцатилетней Саши почти идеальный балл — 95. Но однажды цифра начинает падать: из-за слишком честного ответа, «неправильной» реакции и знакомства с Ильёй — парнем с рейтингом 12.Пытаясь понять, как работает система, Саша и Илья начинают расследование и узнают, что алгоритм анализирует не только поступки, но и эмоции, страхи, привычки и степень предсказуемости человека.Чем ближе они к истине, тем опаснее становится вопрос: если однажды никто не сможет тебя оценить, будешь ли ты знать, кто ты?«Рейтинг. Тебя уже оценили» — психологический роман-антиутопия о зависимости от чужого мнения, тревоге, первой любви, выборе будущего и праве оставаться собой.

© Хрони Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 6
Глава 1. Девяносто четыре 8
Глава 2. Город, который всё видел 15
Глава 3. Публичное счастье 18
Глава 4. Вы недостаточно счастливы 20
Глава 5. Как считается человек 23
Глава 6. Сбой фильтра 26
Глава 7. Двенадцать 28
Глава 8. Илья Арсеньев 31
Глава 9. Правильная дружба 35
Глава 10. Девяносто два процента совместимости 37
Глава 11. Нижний сектор 39
Глава 12. Дом на Пограничной 42
Глава 13. Клуб «Ноль» 45
Глава 14. Пять скрытых шкал 48
Глава 15. Ночь без камер 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Юлия Хрони
Юлия Хрони. «Рейтинг. Тебя уже оценили. Роман-антиутопия о мире, где цифры решают, кто ты»

ЮЛИЯ ХРОНИ

РЕЙТИНГ

ТЕБЯ УЖЕ ОЦЕНИЛИ

РОМАН-АНТИУТОПИЯ

«Если завтра никто не сможет тебя оценить,

ты будешь знать, КТО ты?»

2026

От автора

Эта книга — мой первый художественный роман. До неё я говорила с читателем прежде всего как психолог: о чувствах, тревоге, зависимости от чужого мнения и страхе быть отвергнутым. Однажды мне стало интересно, что произойдёт, если всё это перестанет быть только внутренней проблемой человека и станет частью государственной системы.

Так появился «Рейтинг» — антиутопия о мире, где просмотры, реакции, репутация, внешность, привычки и даже эмоции складываются в одну цифру, от которой зависят двери, открывающиеся перед человеком.

Александре семнадцать. Она привыкла быть «правильной», пока её цифра не начинает падать. Вместе с рейтингом рушится уверенность, что хорошая жизнь обязательно должна выглядеть так, как её описали другие.

Для меня важен вопрос, который проходит через весь роман: что остаётся от человека, когда чужая оценка становится важнее собственного ощущения себя?

«Если завтра никто не сможет тебя оценить, ты будешь знать, кто ты?»

Содержание

Глава 1. Девяносто четыре
Глава 2. Город, который всё видел
Глава 3. Публичное счастье
Глава 4. Вы недостаточно счастливы
Глава 5. Как считается человек
Глава 6. Сбой фильтра
Глава 7. Двенадцать
Глава 8. Илья Арсеньев
Глава 9. Правильная дружба
Глава 10. Девяносто два процента совместимости
Глава 11. Нижний сектор
Глава 12. Дом на Пограничной
Глава 13. Клуб «Ноль»
Глава 14. Пять скрытых шкал
Глава 15. Ночь без камер
Глава 16. Эксперимент с печеньем
Глава 17. Идеальные люди тоже плачут
Глава 18. Тревога в кабинке номер четыре
Глава 19. Лица, которые не попадают в ленту
Глава 20. Ярмарка будущего
Глава 21. Город профессий
Глава 22. Поцелуй с социальными последствиями
Глава 23. Свидание без рекомендаций
Глава 24. След в данных
Глава 25. Родительский чат
Глава 26. Квартира Орловых
Глава 27. Пятьдесят один
Глава 28. Центр коррекции
Глава 29. Сборщики
Глава 30. Белая комната
Глава 31. Холодное хранилище
Глава 32. Открытые двери

Глава 33. Цена доступа
Глава 34. Тайна рейтинга
Глава 35. Нулевая модель
Глава 36. Исчезнувший профиль
Глава 37. Чужое имя
Глава 38. Северный вход
Глава 39. Четвёртый уровень
Глава 40. Верхний уровень Низа
Глава 41. Право выйти
Глава 42. Кто возвращается за другими
Глава 43. Репетиция свободы
Глава 44. 17 ноября, 21:40
Глава 45. Лучший выпускник
Глава 46. Досье на Александру Орлову
Глава 47. За шесть часов до эфира
Глава 48. Сто
Глава 49. Когда выключили камеры
Глава 50. Город раскололся
Глава 51. Елена Арсеньева
Глава 52. После цифр
Глава 53. Улица без цифр
Глава 54. Первый плохой день
Эпилог. Кто ты?

Глава 1. Девяносто четыре

В семнадцать лет Александра Орлова точно знала три вещи.

Первое: кофе без сахара считается полезнее, даже если на вкус напоминает наказание за грехи.

Второе: фотографироваться нужно чуть сверху. Если камера стоит снизу, алгоритм почему-то решает, что ты «эмоционально истощена».

И третье: рейтинг ниже восьмидесяти пяти — это почти социальная простуда.

Вроде не смертельно.

Но окружающие стараются держаться подальше.

У Александры было девяносто четыре.

Внешне Александра ничем не напоминала человека, которого система почти готова была назвать идеальным: среднего роста, с прямыми каштановыми волосами до плеч, серо-зелёными глазами и россыпью почти незаметных веснушек на переносице. Саша считала нос слишком обычным, волосы — недостаточно густыми, а улыбку — немного кривой, хотя на фотографиях всё это исправлялось за три секунды. В жизни она двигалась быстро, говорила ещё быстрее и, когда волновалась, заправляла одну и ту же прядь за ухо, пока та упрямо не выпадала обратно.

Не просто хорошо.

Почти идеально.

Девяносто четыре означало лучший университет, доступ к престижным стажировкам, хорошие районы проживания и знакомство с людьми, которых система считала перспективными.

Даже родители произносили эту цифру с особенной интонацией.

— У нашей Саши девяносто четыре.

Так отец говорил о ней коллегам.

Будто дочь не человек, а отлично работающий пылесос премиум-класса.

В восемнадцать лет после личностной аттестации оформляли первый взрослый рейтинг. До этого, с четырнадцати, в приложении «Я» отображался предварительный балл. Он тоже менялся и уже влиял на школьные программы и доступы.

Название Александре всегда казалось издевательским.

Открываешь приложение «Я», а внутри тебе рассказывают, какой ты должна быть.

Саша смахнула ночной отчёт, но браслет остался тёплым кольцом на руке. Она сняла телефон с зарядки — настенный экран тут же повторил уведомление. Спрятать один экран было проще, чем найти место, где за ней не наблюдали.

В справке различали непрерывные измерения и периодические проверки. Браслет собирал пульс и движение, камера телефона — лицо, когда Саша смотрела в экран. Городские камеры добавляли места и время. В приложении всё это соединялось в уверенный рассказ о её состоянии. Когда данных не хватало, появлялось слово «предположительно», которое Саша обычно не замечала.

Каждое утро начиналось одинаково.

На стене напротив кровати загорелся домашний информационный экран. Он был связан с городской системой и каждое утро выводил данные, которые ночью собирал её браслет.

— Доброе утро, Александра, — сообщил экран на стене. — Продолжительность сна семь часов сорок две минуты. Эмоциональный фон удовлетворительный. Рекомендуется начать день с благодарности.

Саша не открывала глаз.

— Спасибо, что сегодня не понедельник.

— Сегодня понедельник.

Она открыла один глаз.

— Тогда благодарить не за что.

Экран коротко мигнул.

Саркастическая реакция.

— Даже не начинай.

На кухне мама уже сидела с идеальной овсянкой.

Наталья Орлова, мама Александры, работала руководителем отдела в крупной страховой компании. Она была стройной, всегда аккуратно одетой и удивительно похожей на дочь глазами, только взгляд у неё почти никогда не метался. Наталья производила впечатление женщины, у которой даже случайности заранее занесены в календарь. Отец, Андрей, городской инженер-энергетик, был её полной противоположностью: высокий, с седеющими висками и тихим юмором, который особенно раздражал Наталью в серьёзные моменты.

Мама вообще умела делать всё правильно.

Спина прямая.

Вода с лимоном.

Новости только из рекомендованной подборки.

Перед завтраком пять минут осознанного дыхания.

Саша подозревала, что однажды мама начнёт осознанно моргать.

— Саша, выпрями спину.

— Доброе утро, мама.

— Доброе. И выпрями спину.

Отец спрятался за экраном новостей.

На столе стояла шоколадная паста.

Саша потянулась к ней.

Браслет завибрировал.

Выбор продукта не соответствует рекомендованной пищевой стратегии.

— Ты опять? — спросила мама.

— Что?

— Сладкое с утра.

— Это не сладкое. Это эмоциональная поддержка на хлебе.

Отец хмыкнул.

— Андрей, не поощряй.

— Я просто кашлянул.

— Ты засмеялся.

— Очень весёлый кашель.

Саша намазала пасту потолще.

Браслет сообщил:

Повышенная импульсивность при выборе пищи.

— Ты когда-нибудь заткнёшься? — спросила она у него.

Мама резко подняла глаза.

— Александра!

— Я разговариваю с браслетом.

— Тем более. Он фиксирует речевую агрессию.

Саша посмотрела на экран.

— Мы с ним в токсичных отношениях.

До совершеннолетия Саши и взрослой аттестации оставалось несколько месяцев. Но ждать её система не собиралась.

В ноябре лицей проводил церемонию представления выпускного класса — здесь её коротко называли выпускной. Последние экзамены были ещё впереди. В городском эфире

показывали будущих лучших выпускников, а институты делали им предварительные предложения.

На церемонии объявляли текущие баллы. Взрослого статуса они ещё не давали, но уже влияли почти на всё.

Где ты будешь учиться.

Какую работу сможешь получить.

В каком районе жить.

Какие банковские продукты тебе доступны.

Даже с кем система рекомендует строить отношения.

Формально никто ничего не запрещал.

Можно было делать всё.

Просто после некоторых решений перед тобой переставали открываться двери.

В буквальном смысле.

У Александры была цель — Национальный институт коммуникаций.

Мама выбрала его ещё три года назад.

— Это будущее, — говорила она.

Саша не была уверена, что хочет заниматься общественными коммуникациями.

Ей нравилась литература.

Она иногда писала рассказы.

Только никому не показывала.

В системе профессий писатель относился к категории «низкая предсказуемость дохода».

Мама однажды сказала:

— Творчество прекрасно как хобби.

Саша тогда подумала, что выражение «как хобби» способно убить примерно половину человеческих желаний.

Но вслух ничего не сказала.

Лицей № 14 считался одним из лучших в Центральном секторе. Саша прошла через стеклянный двор к турникетам. Перед ней остановился мальчик из младшего класса: пропуск не открывался.

— Я вчера был у врача, — объяснял он администратору. — Вот справка.

— В системе не подтверждено. Отойдите, сейчас уточним.

Саша приложила браслет. Её пропустили сразу. Она успела увидеть, как мальчик прижимает бумагу к считывателю, будто тот способен прочесть печать.

На экране у гардероба распределяли места на городской форум. Соня ткнула в фамилию Петрова.

— Опять резерв.

— У него лучший проект.

— У него нестабильная динамика.

Саша повторила это про себя. Странно было, что вчера такая фраза её вполне устраивала.

У кабинета психолога уже стояли ученики с планшетами. Результаты теста отправлялись в «Я», а потом попадали в ежемесячный отчёт родителям. Саша привыкла читать в своём одну и ту же фразу: «Рекомендуется сохранение текущей траектории». Сегодня ей захотелось спросить, кто вообще выбрал эту траекторию.

Она не спросила. Села рядом с Соней и открыла тест.

Сегодня на третьем уроке как раз проходило очередное тестирование.

Сто двадцать вопросов.

Саша устроилась перед экраном.

Вы часто завидуете другим людям?

Она отметила:

Практически никогда.

Ложь номер один.

Вчера она двадцать минут рассматривала фотографии Милы Ковалёвой с океана и мысленно пожелала, чтобы хотя бы одна чайка украла у неё телефон.

Следующий вопрос.

Испытываете ли вы раздражение, когда ваши друзья успешнее вас?

Нет.

Ложь номер два.

Вы полностью принимаете свою внешность?

Саша задержала палец над экраном.

Потом нажала:

Да.

Ложь номер три.

Она покосилась на Соню.

Та без колебаний выбрала тот же ответ.

— Ты серьёзно? — шепнула Саша.

— Конечно.

— Соня, ты же полгода назад изменила форму носа.

Соня пожала плечами.

— Именно поэтому теперь полностью принимаю свою внешность.

Саша зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться.

На экране тут же появилось:

Внимание отклонено от тестирования.

— Даже смеяться нельзя, — пробормотала она.

Соня показала глазами на камеру.

Саша снова повернулась к экрану.

Большинство вопросов она знала почти наизусть.

Школьники довольно быстро понимали, какие ответы считаются правильными.

Не завидуешь.

Не злишься.

Спокойно принимаешь критику.

Уверен в себе.

Доволен жизнью.

Готов развиваться.

Психологическое тестирование давно стало чем-то средним между проверкой личности и экзаменом на способность угадать, каким тебя хочет видеть система.

Последний вопрос заставил Сашу остановиться.

Если бы мнение окружающих перестало иметь значение, изменили бы вы свою жизнь?

Она перечитала.

Если никто не увидит?

Никто не оценит?

Никто не поставит реакцию?

Никто не скажет «молодец»?

Саша вдруг попыталась представить себя без рейтинга.

Без цифры возле фотографии.

Без рекомендаций.

Без вечного понимания, правильно она поступила или нет.

И неожиданно не смогла представить, что останется.

Она нажала:

Нет. Меня полностью устраивает моя жизнь.

Экран почти сразу ответил:

Благодарим за искренность.

Саша чуть не рассмеялась.

Вечером рейтинг поднялся до девяноста пяти.

Мама купила торт.

На нём кремом было написано:

95!

— Вы однажды вместо возраста напишете на моём праздничном торте рейтинг, — сказала Саша.

— Не подавай матери идеи, — предупредил отец.

Мама закатила глаза.

— Я просто хотела тебя порадовать.

— Получилось. Я теперь официально съедобно успешная.

Отец хмыкнул.

Мама сделала вид, что не услышала.

— Я горжусь тобой.

Саша улыбнулась.

И это было правдой: ей нравилось слышать эти слова.

Наверное, даже сильнее, чем ей хотелось поступить в Национальный институт коммуникаций.

Именно тогда на запястье завибрировал браслет.

Саша машинально посмотрела на экран.

ВНИМАНИЕ.

Ниже появилась новая строка.

Зафиксировано несоответствие между вашей публичной личностью и реальным психологическим профилем.

Она перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Начата дополнительная проверка.

— Что там? — спросил отец.

Саша заблокировала экран.

— Ничего.

— У тебя лицо сейчас совсем не «ничего», — заметил он.

— Просто школьное уведомление.

Она не хотела объяснять.

Да и объяснять было нечего.

Как можно объяснить сообщение, смысл которого ты сама не понимаешь?

Через минуту Саша снова открыла приложение «Я».

95 исчезло.

Теперь рядом с её фотографией стояло:

94.

Это всё ещё была прекрасная цифра.

Для большинства жителей Меридиана — почти недостижимая.

Но впервые Александре стало от неё страшно.

Не из-за одного потерянного балла.

А потому, что она не понимала, за что его потеряла.

И что именно система увидела в ней такого, чего не заметила она сама.

На следующий день после уроков Саша поехала в городскую библиотеку на Речной. Литературная мастерская снимала там две комнаты на третьем этаже и к лицею не относилась: ни учителей, ни школьных отчётов, ни обязательных тем про общее будущее.

Саша ходила туда по субботам уже второй месяц. Родителям говорила, что занимается в читальном зале и готовится к поступлению. Это было почти правдой: книги она действительно читала. Только вместо рекомендованных пособий они разбирали чужие рассказы и писали свои.

На обычные встречи записывались у преподавательницы, бесплатно, без городского конкурса. Саша оставила личную почту и попросила не отправлять письма в семейный кабинет. Иногда ей становилось стыдно за эту маленькую тайну. Потом она представляла, как мама предлагает заменить мастерскую курсом деловой коммуникации, и снова молчала.

В рюкзаке лежала тетрадь с рассказом. На этот раз встреча была особенная: из участников мастерской отбирали шестерых на трёхдневный интенсив с писательницей из другого города. Саша сама отправила текст и вчера получила приглашение.

Интенсив оплачивала городская образовательная программа. Для него, в отличие от субботних встреч, требовалось подтвердить личность через «Я».

Турникет перед залом загорелся жёлтым.

«Допуск к очному этапу приостановлен. Условие программы: рейтинг не ниже 95 на дату подтверждения».

Она приложила браслет ещё раз. Девяносто четыре.

За стеклом преподавательница расставляла стулья. Шесть. Саша постучала.

— Мне вчера подтвердили место.

Женщина открыла дверь, посмотрела список. Потом на браслет.

— Сегодня пришло обновление. Я уже вызвала резервного участника.

— Но рассказ тот же. Вы его читали.

— Читала. Он хороший. Я ничего не решаю в распределении доступа.

Саша стояла с тетрадью в руках. Ей вдруг стало стыдно за свою радость накануне, за трижды перечитанное приглашение.

— Если завтра балл вернётся?

— Попробуем запросить пересмотр. Но место я уже отдала. А следующий интенсив по этой программе будет через год. На наши субботние встречи приходи, конечно.

Саша кивнула. Ей хотелось сказать, что она понимает. Вместо этого она посмотрела на шесть стульев и убрала тетрадь в рюкзак.

У выхода зазвонил телефон. Лицейский куратор получил запрос на подтверждение её участия в городской программе; теперь на экране появилось лицо директора.

Виктор Сергеевич Ланской был высоким, сухощавым, с аккуратно зачёсанными седыми волосами. На запястье светилось девяносто шесть. Даже по связи он говорил так тихо, что Саша невольно отошла от шумной двери.

— Александра, мне сообщили о затруднении с допуском. До вечера можно запросить повторную оценку сегодняшнего теста. Обсудишь ответы с психологом, подтвердите устойчивую траекторию — возможно, доступ восстановят.

— Нужно изменить ответ?

— Уточнить. С учётом того, что ты на самом деле хотела сказать.

Она вспомнила последний вопрос. Если бы мнение окружающих перестало иметь значение, изменили бы вы свою жизнь?

В приложении уже появилось свободное время для повторного тестирования. Оставалось нажать «подтвердить».

— А если я именно это и хотела сказать?

Директор посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда решение останется прежним.

Саша завершила вызов и не записалась к психологу. На остановке ей хотелось вернуться, согласиться на любое «уточнение», а потом попросить преподавательницу подвинуть стулья и поставить седьмой.

Дома она спрятала приглашение в личный архив. Мама заметила тетрадь.

— Дополнительное задание?

— Для себя.

Наталья уже открывала семейный кабинет и не стала расспрашивать. Саша отнесла тетрадь в комнату. Про мастерскую родители по-прежнему не знали.

Через несколько минут мама позвала её обратно. Из семейного кабинета пришло уведомление: изменение индивидуального рейтинга будет учтено при очередном подтверждении жилищной категории. Саша раньше не знала, что её школьные ответы вообще могут иметь отношение к их квартире.

Мама быстро закрыла окно.

Пока Саша убирала чашки, Наталья снова открыла предупреждение и стала искать, как запросить разъяснение. Андрей предложил сначала узнать, что изменилось на самом деле.

— Если подождём до ограничения, будет поздно, — ответила она.

— Ты уже говоришь с ней так, будто ограничение наступило.

Наталья обернулась к дочери. Поправила ей съехавший воротник, хотя Саша была в домашней футболке.

— Просто скажи мне, если тебе плохо. До того, как я узнаю от экрана.

Саша кивнула. Мама всё ещё ждала другого ответа — что ошибка скоро исчезнет и всё останется как прежде.

— Это стандартное предупреждение. Не надо пока пугать папу.

Саша посмотрела на закрытый экран, но спрашивать, сколько ещё ответов можно дать неправильно, прежде чем очередь дойдёт до дома, не решилась.

Глава 2. Город, который всё видел

Меридиан просыпался раньше Александры.

Когда она выходила из дома, город уже успевал проверить температуру воздуха, плотность транспорта, уровень шума, количество людей на остановках и эмоциональный фон квартала. На фасаде соседнего дома светилась зелёная полоса: «Район стабилен». Саша никогда раньше не задумывалась, что именно должно произойти, чтобы полоса стала жёлтой.

Орловы жили в Верхнем секторе, в доме из стекла и светлого камня недалеко от набережной. Здесь деревья росли в одинаковых квадратных кадках, доставка приезжала бесшумно, а подъезд узнавал жильцов по лицу раньше, чем они успевали достать ключ-карту. Из окна комнаты Саши было видно реку, тонкую линию монорельса и башню Управления общественной устойчивости. По вечерам башня подсвечивалась белым, и на ней появлялась надпись: «Доверие делает нас свободнее».

Саша всегда считала эту фразу красивой. Теперь она вдруг заметила, что не понимает её смысла.

— Ты чего застыла? — спросила Соня, догоняя её у перехода.

Соня была ниже Саши почти на голову, носила короткое тёмное каре и умела выглядеть собранной даже после контрольной по математике. Сегодня на ней был идеально застёгнутый школьный жакет, а на ресницах — тушь, которую приложение почему-то считало «умеренно естественной».

— Смотрю на башню.

— Очень содержательное занятие.

— Там написано, что доверие делает нас свободнее.

— И?

— Если нам доверяют, зачем тогда столько камер?

Соня подняла глаза. Над перекрёстком висели четыре сферические камеры, ещё две были встроены в рекламную панель.

— Потому что доверяют разумно, — сказала она.

— Это как любить с проверкой телефона?

— Не начинай с утра философию. Я ещё не ела.

Они перешли улицу. На другом берегу дороги начинался Центральный сектор: старые здания там перемежались с новыми, на первых этажах были кофейни, мастерские и государственные терминалы. Ещё дальше, за грузовой линией, лежал Нижний сектор. Верхние этажи старых домов Саша иногда видела из окна монорельса: кирпич, тёмные крыши, бельё на балконах. В официальных городских роликах Низ почти никогда не показывали.

Город был разделён не стенами. Стены выглядели бы слишком грубо.

Его делили цены, маршруты, допуски и маленькие зелёные галочки возле имени.

На станции перед турникетом мужчина лет пятидесяти несколько раз подносил браслет к считывателю. Турникет оставался красным.

— Повторная идентификация, — сообщил автоматический голос.

Мужчина раздражённо выдохнул.

— Да я это. Я за ночь не превратился в другого человека.

Экран мигнул.

«Маршрут временно не рекомендован. Выберите линию Б».

— Мне на работу по линии А!

Люди сзади начали обходить его. Кто-то цокнул языком. Никто не спорил с системой. Система ведь не запрещала ему ехать. Она просто не открывала турникет.

Саша вспомнила вчерашнее сообщение о собственном несоответствии и почувствовала неприятный холод под рёбрами.

— А почему ему нельзя? — спросила она.

— Может, задолженность. Или рейтинг маршрута, — сказала Соня.

— Что ещё за рейтинг маршрута?

— Система оценивает не только человека, но и то, где он находится и куда едет. Если у тебя низкий рейтинг, некоторые линии могут считаться для тебя нежелательными. Особенно если маршрут ведёт в район с повышенными требованиями к допуску.

— То есть автобус тоже решает, достойна ли я ехать?

— Не автобус. Система.

Соня кивнула на красный турникет.

— Формально ему никто не запрещает ехать. Просто линия А сейчас для него «не рекомендована». Может быть, из-за долга. Может, из-за недавнего нарушения. Может, потому что у него рейтинг слишком низкий для этой части города.

Саша посмотрела на мужчину у турникета.

— И что ему делать?

— Ехать по линии Б.

— А если она в два раза дольше?

Соня пожала плечами.

— Значит, в два раза дольше.

— Ладно, жаль его… Пойдём, или опоздаем.

В вагоне на прозрачной панели прокручивалась социальная реклама.

«Ваш рейтинг — это ваша репутация, подтверждённая данными».

Следом появилась улыбающаяся девушка в белой медицинской форме.

«Высокий рейтинг открывает возможности тем, кто заботится о себе и обществе».

Потом молодой мужчина с ребёнком.

«Рейтинг помогает нам доверять друг другу в большом городе».

— Раньше так было? — спросила Саша.

— Как?

— Без рейтинга.

Соня пожала плечами.

— Наши родители жили.

— И как они понимали, кому доверять?

— Наверное, разговаривали.

— Ужас.

Они засмеялись.

На следующей станции в вагон вошла женщина с цифрой 38 на браслете. Люди почти незаметно раздвинулись, оставив вокруг неё пустое пространство. Женщина ничего не сказала. Она просто встала у двери и смотрела в пол.

Саша поймала себя на том, что тоже посмотрела на цифру раньше, чем на лицо.

Лицо было усталым. Обычным. С тонкой морщинкой между бровей и светлым шрамом у подбородка.

Саша быстро отвела глаза.

В приложении «Я» было написано, что рейтинг не определяет ценность человека.

Но если это правда, почему цифру показывали раньше имени?

В тот день Александра впервые увидела Меридиан не как удобный город, а как огромный механизм. Камеры были его глазами. Турникеты — пальцами. Приложения — голосом. А браслеты на руках горожан напоминали крошечные дверцы, через которые механизм заглядывал внутрь каждого.

Она ещё не знала, что у города была и память.

Гораздо более длинная, чем память людей.

И что где-то внизу, под обычными улицами, хранилось всё, что Меридиан когда-либо о них узнал.

Саша открыла городскую карту. Верхний сектор, Центральный, Нижний — всего три цвета. Но стоило приблизить изображение, как внутри каждого появлялись новые границы допуска.

В Корону, где находились министерства и исследовательские институты, вела отдельная ветка монорельса. Жильё в Академическом поясе зависело от учебной и профессиональной траектории. За грузовой линией Ремонтный район переходил в Пограничные улицы, а дальше лежала Серая дуга — кварталы для тех, кто потерял право на субсидированную квартиру.

Под Нижним сектором приложение показывало несколько уровней регулируемого проживания. Саша не стала открывать справку: пока это выглядело далёкой административной подробностью.

На окраине серым выделялась Промзона-4. Энергоцентры, архивы, резервные серверные. Отец рассказывал, что под ней сохранились старые тоннели: новые линии клали поверх прежних, не всегда разбирая то, что перестало работать.

Саша свернула карту и открыла доставку лекарств. Для их дома приложение обещало пятнадцать минут. Для адреса в Серой дуге — дополнительную верификацию без точного срока.

Она вернулась к своему адресу. Пятнадцать минут.

Её Меридиан всегда работал быстро. До сегодняшнего утра ей казалось, что иначе и быть не может.

Саша посмотрела на свой браслет.

94.

Почти идеальная цифра.

И впервые подумала не о том, какие двери она открывает.

А о том, какие двери существуют только потому, что кому-то другому их закрыли.

Глава 3. Публичное счастье

На следующий день после того, как рейтинг Александры впервые качнулся вниз, в лицее проводили День публичного счастья.

Название придумали взрослые, и уже поэтому оно звучало подозрительно.

По школьным коридорам расставили световые панели с надписями: «Поделись хорошим», «Покажи благодарность», «Твоё настроение влияет на общество». Ученикам предлагалось сделать три позитивные публикации, оставить пять поддерживающих комментариев и записать короткое видео о том, за что они благодарны школе.

— Я благодарна школе за то, что она научила меня ценить каникулы, — сказала Саша, пока Соня поправляла ей воротник.

— Даже не шути так на камеру.

— Почему? Искренне же.

— Слишком искренне.

Учительница медиаэтики Марина Борисовна хлопнула в ладоши.

— Ребята, помним: благодарность должна быть личной, но социально конструктивной.

— Это как? — спросил кто-то с заднего ряда.

— Например: «Я благодарен лицею за возможности для развития».

— А если я благодарен столовой за булочки?

— Лучше про развитие.

Саша посмотрела на Соню.

— Булочки, видимо, развивают недостаточно правильно.

Перед камерой очередь двигалась медленно. Каждый выпускник вставал на синюю отметку, улыбался и говорил примерно одно и то же разными словами.

«Я благодарна за людей».

«Я благодарен за возможности».

«Я благодарна за вызовы, которые сделали меня сильнее».

Саша слушала и вдруг почувствовала странную усталость. Не от людей. От одинаковости.

Когда подошла её очередь, над камерой загорелся зелёный круг.

— Александра Орлова. Запись начата.

Она улыбнулась.

— Я благодарна лицею за...

И замолчала.

Марина Борисовна показала рукой: продолжай.

Саша смотрела в объектив и неожиданно вспомнила вчерашнее сообщение о несоответствии личности.

— За то, что здесь я поняла одну важную вещь.

Учительница довольно улыбнулась.

— Иногда можно очень хорошо научиться отвечать правильно и совершенно не понимать, что ты думаешь на самом деле.

Улыбка Марины Борисовны исчезла.

— Стоп запись.

Красный индикатор не погас.

— Я сказала стоп.

— Запись уже передана в общую ленту, — сообщил школьный помощник.

Соня закрыла лицо ладонью.

— Поздравляю. Ты только что устроила революцию длительностью восемнадцать секунд.

— Я просто сказала то, что думаю об этом.

— В этом и проблема.

Через десять минут видео набрало две тысячи просмотров. Через двадцать — его удалили из школьной ленты. Через тридцать у Саши было сто сорок семь новых подписчиков и сообщение от администрации:

Публикация признана двусмысленной. Рекомендуется воздерживаться от формулировок, способных снижать доверие к образовательной среде.

— Как двусмысленной? — возмутилась Саша. — Там был ровно один смысл.

— Возможно, система считает это ещё хуже, — сказала Соня.

Но самое неприятное произошло позже.

В раздевалке Саша услышала разговор двух девочек из параллельного класса.

— Видела Орлову?

— Конечно. Думаю, специально хайпует. Рейтинг падает, надо внимание собирать.

— Сто процентов.

Саша застыла за дверью.

Ещё вчера она сама легко рассуждала о чужих мотивах. Почему человек выложил фотографию. Почему написал грустный пост. Почему удалил сторис.

Теперь незнакомые люди за две минуты придумали ей причину, намерение и характер.

Она вышла.

Девочки замолчали.

— Продолжайте, — сказала Саша. — Я тоже хочу узнать, зачем я это сделала.

Обе опустили глаза.

— Мы не про тебя.

— Конечно. Про другую Александру Орлову, у которой сегодня удалили видео.

Она ушла прежде, чем услышала ответ.

В коридоре браслет завибрировал.

Зафиксирован рост эмоциональной напряжённости. Рекомендуется дыхательная практика.

Саша медленно вдохнула.

— Спасибо. А можно практику, при которой люди перестают обсуждать тебя за спиной?

Браслет молчал.

— Я так и думала.

Вечером она открыла своё удалённое видео. Кто-то успел сохранить его и снова выложить.

Под ним были сотни комментариев.

Одни писали: «Наконец-то кто-то сказал».

Другие: «У девочки проблемы, ей нужна помощь».

Третьи спорили, достойна ли она учиться в престижном лицее.

Саша закрыла экран.

Всего восемнадцать секунд.

И сотни людей уже решили, какая она.

Её испугало, как быстро чужая оценка превращалась в чужую версию твоей личности.

Глава 4. Вы недостаточно счастливы

Утром было девяносто два.

В школе — девяносто.

После обеда — восемьдесят семь.

Саша обновляла приложение каждые несколько минут.

Но это было бессмысленно.

Примерно как открывать холодильник через каждые пять минут в надежде, что там самостоятельно появится пирожное.

Но человек вообще многое делает не потому, что это помогает.

А потому, что тревога требует хоть каких-то действий.

— Перестань проверять, — сказала Соня.

— Я не проверяю.

— Телефон у тебя перед лицом.

— Я смотрю время.

— Третий раз за минуту?

Саша положила телефон экраном вниз.

В столовой на неё оглядывались.

Вчера она была третьей в рейтинге класса.

Сегодня — двенадцатой.

Мила уже успела опубликовать:

Любое падение — повод задуматься, что в себе можно улучшить. Главное — продолжать работать над собой.

Саша показала пост Соне.

— Она меня не отметила.

— Это и не требуется.

— Может, написать ей спасибо за поддержку?

— Не надо.

— «Спасибо, Мила. Твоя человечность согрела моё нестабильное сердце».

— Саша.

— Ладно.

После уроков её вызвали к психологу.

Ирина Вадимовна имела рейтинг 93 и лицо человека, который настолько хорошо разобрался с собственной психикой, что теперь мог спокойно заниматься чужой.

— Александра, система обнаружила выраженную эмоциональную рассогласованность.

— Можно перевести с государственного на русский?

Психолог сняла очки.

— Ты часто чувствуешь одно, а демонстрируешь другое.

Саша моргнула.

— И?

— Это проблема.

— Почему?

— Потому что здоровая личность должна быть внутренне согласованной.

— То есть если директор меня раздражает, я должна сообщить ему об этом?

— Не передёргивай.

— Если мне завидно, нужно написать человеку: «Поздравляю, но надеюсь, тебя укусит чайка»?

Ирина Вадимовна вздохнула.

— Речь не об этом.

— А о чём?

На экране появилась диаграмма.

Красная линия.

Зелёная линия.

— Зелёным отмечены заявленные эмоции. Красным — фактические.

— А система откуда знает мои фактические эмоции?

— Биометрия. Пульс. Мимические реакции. Движения глаз. Интонация. Длительность пауз. Поведенческие закономерности.

— Пульс показывает именно зависть?

Ирина Вадимовна открыла подпись к графику. Возле одного эпизода стояло «вероятная интерпретация», возле другого — «недостаточно данных». Красную линию провели через оба.

— Отдельный показатель — нет. Вывод делается по совокупности.

— А если вывод неправильный?

— Для этого мы и разговариваем.

Психолог вернулась к основной диаграмме. Саша дождалась, пока она запишет и её возражение. В карточке появилась новая строка: «Не согласна с интерпретацией». График от этого не изменился.

Саша посмотрела на график.

Красная линия скакала так, будто тоже нервничала.

— Здесь твой пост от пятнадцатого сентября. Подпись: «Лучший день».

— Мы фотографировались семь часов.

— Система определила усталость и раздражение.

— Конечно. Любой человек через семь часов фотосессии начинает ненавидеть человечество.

Ирина Вадимовна не улыбнулась.

— Здесь поздравление Милы с победой.

— И?

— Зафиксирована зависть.

— Потому что я завидовала.

— Но ты написала, что рада.

— Я и была рада.

— Одновременно?

Саша задумалась.

— А разве нельзя одновременно радоваться за человека и завидовать ему?

Психолог замолчала.

Саша продолжила:

— Если Соня поступит туда, куда хочет, я буду рада. Но если меня туда не возьмут, мне будет больно. Одно отменяет другое?

Ирина Вадимовна постучала пальцем по столу.

— Система анализирует целостность личности.

— Может, проблема не во мне, а в том, что она считает человека слишком простым?

— Александра.

— Что?

— Тебе назначена программа коррекции.

— Уже?

— Программа стабилизации.

На экран пришёл список:

Режим сна.

Снижение конфликтных взаимодействий.

Контроль эмоционального фона.

Исключение неблагоприятных социальных связей.

Последний пункт Саше особенно не понравился.

— Что считается неблагоприятной связью?

— Контакт с людьми, чьё поведение повышает риски.

— Например?

— Рейтинг ниже сорока.

Саша усмехнулась.

— Вы хотите сказать, что я знаю кого-нибудь с рейтингом ниже сорока?

— Возможно, ты не всё знаешь о людях, с которыми общаешься, — сказала психолог.

— Я таких не знаю.

Дома Наталья уже заполнила запрос на повторную консультацию. Саша увидела в черновике: «Дочь осознаёт необходимость восстановления профиля».

— Я этого не говорила.

— Это стандартная формулировка. Без неё могут не дать ближайшее время.

— Тогда не отправляй.

Наталья убрала палец с кнопки, но закрывать форму не стала.

— Я пытаюсь добиться, чтобы тебя услышали.

— Там пока слышно только тебя.

Вечером запрос всё-таки ушёл. В нём осталось: «Прошу разъяснить основания снижения». Наталья показала дочери подтверждение, словно ждала, что теперь та согласится на всю программу. Саша поблагодарила за исправление. На консультацию идти снова не обещала.

Глава 5. Как считается человек

После разговора с Ириной Вадимовной Саша сделала то, что делал любой современный человек, столкнувшийся с чем-то непонятным: полезла читать правила, на которые раньше соглашалась не читая.

В приложении «Я» раздел «Как формируется рейтинг» занимал двадцать семь экранов. Первые двадцать шесть состояли преимущественно из слов «устойчивость», «доверие», «общественное благо» и «персонализированная поддержка».

На двадцать седьмом нашлось хоть что-то похожее на ответ.

«Рейтинг личности является динамическим интегральным показателем добровольно подтверждаемой социальной надёжности гражданина».

— Добровольно, — вслух прочитала Саша. — Очень мило.

Она попыталась отключить передачу данных.

Экран ответил:

«Для вашего возраста функция недоступна».

Саша хмыкнула.

— Особенно добровольно.

Отец вошёл в комнату без стука, держа кружку чая.

— Ты ещё не спишь?

— Изучаю, из чего я состою.

— Поздновато для анатомии.

— Для рейтинга.

Отец редко говорил о рейтингах, хотя проверял обновления одним из первых. Обычно относился к цифрам спокойнее мамы и даже позволял себе шутить о системе, но в этот вечер, увидев, как долго Саша смотрит в экран, сразу понял, что дело серьёзнее обычного.

— Там ничего не поймёшь, — сказал он.

— А ты понимаешь, почему у тебя восемьдесят девять?

— Потому что я образцовый гражданин.

— Пап.

— Хорошо. Потому что однажды припарковался не там и пятнадцать лет не могу искупить вину.

Саша улыбнулась.

— Серьёзно.

Отец сел на край стола.

— Вначале рейтинг был проще. Когда его вводили, говорили о пяти блоках. Надёжность, здоровье, социальное участие, финансовая дисциплина и безопасность.

— А эмоции?

— Эмоции добавили позже.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— После нескольких громких историй. Говорили, что система сможет заранее увидеть кризис. Подростка, который вот-вот сорвётся. Человека в депрессии. Агрессию до того, как она превратится в насилие.

— И все согласились?

— Тогда это звучало как помощь.

Саша повернула экран к нему.

— А сейчас здесь написано, что учитывается «эмоциональная согласованность». Что это вообще?

— Не знаю.

— Но от этого зависит, возьмут ли меня в институт.

Отец перестал улыбаться.

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

— Вот это уже другой вопрос, — сказал он наконец.

Позже Саша нашла старую статью десятилетней давности. Тогда журналисты объясняли механику рейтинга почти восторженно. Балл повышался за стабильную учёбу, своевременную оплату счетов, волонтёрство, отсутствие нарушений, медицинские осмотры, подтверждённую работу, участие в городских программах. Понижался за долги, систематические нарушения, агрессию, ложные сведения, опасное поведение.

Логично.

Почти красиво.

Но в современной версии правил появились другие слова.

«Социальное окружение».

«Маршрутная предсказуемость».

«Цифровая последовательность».

«Реакция на рекомендующие воздействия».

Саша открыла справку.

«Вес отдельных факторов является адаптивным и не раскрывается в целях предотвращения манипуляций».

Вот и всё.

Люди знали, что их оценивают, но точно не знали как именно.

Можно было поднять рейтинг, выполняя рекомендации, но никто не гарантировал, сколько именно баллов ты получишь. Можно было потерять его после конфликта, но система не сообщала, что сыграло главную роль: слова, тон, место, собеседник или то, что ты потом три часа читала статьи о переезде в другую страну.

На школьном форуме ходили целые легенды.

Кто-то уверял, что десять тысяч шагов в день дают плюс 0,02.

Кто-то — что селфи с бабушкой увеличивает показатель семейной стабильности.

Один парень из параллели три месяца ходил в волонтёрский центр, а потом узнал, что его рейтинг не вырос, потому что система распознала «внешнюю мотивацию достижения».

Саша читала и всё сильнее чувствовала, что участвует в игре, правил которой игрокам не показывают.

Утром она провела эксперимент.

Опубликовала фотографию школьного двора с подписью: «Хорошее начало дня».

Хотя начало было отвратительным: она проспала, поссорилась с мамой и облилась кофе.

Через двадцать минут рейтинг вырос на одну десятую.

После уроков она честно написала Соне: «Я сегодня злая и усталая. Не хочу разговаривать».

Через час пришло уведомление:

«Зафиксирован эпизод социальной дистанцированности».

Минус две десятых.

Саша уставилась на экран.

— То есть, когда я вру, вам нравится больше?

Браслет вежливо предложил оценить качество сервиса.

Она поставила одну звезду.

Через минуту рейтинг снизился ещё на одну десятую.

— Ах, вот как.

В этот момент в приложении на долю секунды мелькнула строка, которой раньше не было:

«Источник пересчёта: Контур-5 / поведенческая модель».

Потом исчезла.

Саша успела сделать скриншот.

В школе никто не знал, что такое Контур-5.

Даже Ирина Вадимовна.

— Наверное, техническое обозначение, — сказала она слишком быстро.

Но Саша уже научилась замечать слишком быстрые ответы.

Вечером она ввела «Контур-5» в поиск.

Система написала:

«По вашему запросу нет общедоступной информации».

А ниже появилась рекомендация:

«Возможно, вас интересует: как снизить тревогу из-за рейтинга?»

Саша медленно закрыла приложение.

Впервые ей показалось, что рейтинг не просто отвечает на вопросы.

Он замечает, какие вопросы ты задаёшь.

Глава 6. Сбой фильтра

Через два дня школьное приложение запустило новую функцию «Честное лицо».

Реклама обещала революцию.

Никаких фильтров. Никаких масок. Только настоящие вы.

— Очень смело со стороны приложения, которое каждое утро советует мне улучшить тон кожи, — сказала Саша.

Соня включила камеру.

— Смотри. Оно само отключает косметические фильтры.

На экране появилось её лицо, а рядом сообщение:

Естественность повышает доверие.

— У меня прыщ, — сказала Соня.

— У тебя кожа.

— Нет, конкретно прыщ.

— Поздравляю. Ты человек.

— Можно сегодня побыть человеком завтра?

К обеду «Честное лицо» превратилось в соревнование по тому, кто естественнее выглядит естественным. Девушки фотографировались без фильтров, но по сорок минут выбирали освещение. Парни публиковали снимки после тренировок и подписывали: «Просто обычный день».

Слово «естественность», впрочем, тоже имело инструкции. Приложение не запрещало веснушки, круги под глазами или неровную улыбку. Оно просто сразу показывало, насколько лицо совпадает с сезонной матрицей доверия.

Под фотографией Сони всплыло: «Визуальная согласованность — 86%. Рекомендуется: более открытая линия бровей, мягкая укладка, снижение контрастности макияжа».

— Даже быть естественной нужно по методичке? — спросила Саша.

— Видимо, у природы снова проблемы с соблюдением рекомендаций, — ответила Соня.

Саша нажала на справку. Там объяснялось, что «гармоничный визуальный образ повышает предсказуемость первого социального впечатления». Слова «красивый» или «некрасивый» система не использовала. Она вообще редко употребляла слова, за которые можно было бы обидеться. Вместо «некрасивый» существовало «пониженное визуальное соответствие». Вместо «не модный» — «слабая сезонная адаптация».

Но цифры после этих вежливых формулировок падали совершенно невежливо.

Мила Ковалёва выложила фотографию с книгой на подоконнике.

Саша знала этот подоконник. Он находился в школьной библиотеке, а книга была открыта вверх ногами.

— Искренность достигла нового уровня, — сказала она.

Но вечером приложение неожиданно дало сбой.

Вместо обычных фотографий пользователям на несколько минут показали необработанные кадры, снятые до выбора удачного снимка.

Тридцать семь попыток улыбнуться.

Закрытые глаза.

Раздражённые лица.

Мила, кричащая кому-то за кадром: «Убери сумку, она портит композицию!»

Соня, втягивающая живот.

Саша, смотрящая на себя с таким недовольством, будто увидела врага.

Через семь минут ошибку исправили.

Через восемь интернет сошёл с ума.

Школьники удаляли публикации, писали жалобы, обвиняли приложение в нарушении приватности.

Саша сидела на кровати и смотрела на собственный неудачный кадр.

На нём она не улыбалась. Волосы торчали. Под глазами были тени.

Ничего ужасного.

Просто она сама никогда не выбрала бы эту фотографию.

Потому что привыкла показывать не себя, а выбранную версию себя.

Мама вошла очень тихо.

— Удали всё, что сохранилось после сбоя.

— Зачем?

— Потому что такие фотографии могут повлиять на впечатление.

— На чьё?

— Саша, не начинай.

— Я серьёзно. Если человек увидит у меня неидеальное лицо, что произойдёт?

Мама раздражённо вздохнула.

— Люди делают выводы.

— Вот это и странно.

— Что именно?

— Что мы боимся лица, которое у нас есть.

Мама посмотрела на экран.

— Просто удали.

После её ухода Саша открыла фотографию ещё раз.

И впервые не стала делать то, что говорила ей мама.

В школе на следующий день обсуждали только сбой.

— Я подам коллективную жалобу, — сказала Мила. — Необработанные кадры — это личные данные.

— А обработанные тогда что? — спросила Саша.

— Тоже личные.

— Но там мы выглядим иначе.

— Имеем право выглядеть так, как хотим.

— Конечно. Просто интересно, почему мы называем это «быть собой».

Мила прищурилась.

— Ты после падения рейтинга стала очень философской.

— Бесплатный бонус пакета «социальная катастрофа».

Соня тихо засмеялась.

В этот момент в общую школьную ленту пришло уведомление.

В связи с инцидентом функция «Честное лицо» временно приостановлена. Приносим извинения за избыточную степень естественности.

На секунду в коридоре стало тихо.

Потом кто-то засмеялся.

Следом ещё один.

Через минуту смеялась половина этажа.

Даже Мила.

Саша подумала, что это был редкий момент, когда никто не пытался выглядеть правильно.

Глава 7. Двенадцать

С человеком с рейтингом двенадцать Александра познакомилась вечером в автобусе.

Сначала она наступила ему на ногу.

— Прекрасно, — сказал парень. — Теперь у моего рейтинга ещё и физическая травма.

— Извини.

Он сидел у окна.

Тёмные волосы.

Серая толстовка.

Старый рюкзак.

На браслете светилась цифра.

12.

Саша решила, что показалось.

Посмотрела ещё раз.

Парень заметил.

— Да. Двенадцать.

— Я ничего не сказала.

— Никто ничего не говорит. Просто смотрят так, словно ниже двадцати начинается инфекционное заболевание.

Освободилось место.

Саша села рядом.

— Александра.

— Илья.

Он посмотрел на её запястье.

— Восемьдесят семь.

Она быстро развернула браслет.

— На чужой рейтинг смотреть неприлично.

Илья поднял руку.

— Поздно объяснять это мне.

Саша улыбнулась.

— Как вообще можно получить двенадцать?

— Это талант.

— Серьёзно.

— Начинал с семидесяти восьми.

— И?

— Написал статью о том, что психологические тесты измеряют способность угадывать социально правильные ответы.

— И сколько сняли?

— Семь.

— Всего?

— Потом я спорил с директором.

— Зачем?

— Был молод.

Саша посмотрела на него.

— Ты и сейчас молодой.

— Тогда был ещё хуже.

Автобус подъехал к остановке.

Илья поднялся.

— Через две твоя.

— Откуда знаешь?

— Лицей четырнадцать. Форма. Ваши обычно живут в Верхнем секторе.

— А ты?

— Нижний.

Она слышала об этом районе.

Туда переселяли людей с рейтингом ниже сорока.

Официальное название:

Сектор социальной адаптации.

В городе его называли проще.

Низ.

Илья вышел.

Саша неожиданно шагнула следом.

— Подожди.

— Ты домой собиралась.

— Что ты знаешь про эмоциональную рассогласованность?

Улыбка исчезла с его лица.

— Тебе поставили маркер?

— Да.

— Тогда восемьдесят семь ненадолго.

— Что?

— Когда система ставит такой маркер, она начинает анализировать не поступки.

— А что?

— Мотивы.

Саша рассмеялась.

— Мысли она читать не умеет.

— Мысли нет. Но ей они и не нужны.

Илья указал на браслет.

— Пульс. Голос. Зрачки. Поиск. Переписки. Покупки. Время просмотра чужих фотографий. Реакции.

— И что?

— Представь, ты пишешь: «Мне всё равно». А потом проверяешь страницу человека двадцать раз.

Саша замолчала.

— Система видит противоречие.

— Откуда ты это знаешь?

— Моя мама работала в проекте.

— В Рейтинге?

Он кивнул.

— Пока не поняла, во что это превращается.

— Во что?

Илья посмотрел на неё.

— Изначально хотели уменьшить насилие, коррупцию, зависимость, подростковые самоубийства. Идея была хорошая.

— А что плохого сейчас?

— Ты серьёзно спрашиваешь?

— У меня до вчерашнего дня было девяносто пять.

— Именно.

Он пошёл вдоль улицы.

Саша догнала.

— Так объясни.

— Системе дали право определять, какой человек считается психологически правильным.

— Есть же объективные критерии.

— Нет.

— Например, агрессия.

— Хорошо. А злиться можно?

— Можно.

— Насколько?

Саша не ответила.

— Завидовать можно?

— Наверное.

— Бояться?

— Да.

— Быть несчастной неделю?

Она нахмурилась.

— К чему ты ведёшь?

— К тому, что кто-то однажды решил: чувства можно измерить и поставить им оценку.

Он остановился.

— Самая большая проблема рейтинга не в том, что он видит людей.

— А в чём?

— Люди начали смотреть на себя его глазами.

Эта фраза застряла у неё в голове.

Илья спросил:

— Если завтра никто не сможет тебя оценить, ты вообще будешь знать, кто ты?

Саша открыла рот.

И не нашла ответа.

Браслет завибрировал.

Нежелательный социальный контакт.

Рейтинг: 86.

— Ты стоил мне балла!

Илья улыбнулся.

— Значит, я уже тебе дорог.

И ушёл.

А Александра почему-то рассмеялась.

Глава 8. Илья Арсеньев

На следующий день Александра неожиданно обнаружила, что думает об Илье чаще, чем хотела бы признать.

В основном потому, что Илья с его рейтингом двенадцать совсем не походил на человека, каким Саша привыкла представлять людей с такой цифрой.

По школьным разговорам люди с такими цифрами должны были быть либо опасными, либо совершенно потерянными. Илья не выглядел ни тем, ни другим.

Он был чуть выше среднего роста, худощавый, с тёмными волосами, которые постоянно падали на лоб, словно расчёска давно капитулировала. На правой брови у него был тонкий белый шрам. Саша сначала решила, что это след драки, но позже выяснилось, что в девять лет он попытался самостоятельно собрать радиоуправляемый самолёт и проверил прочность крыла собственным лицом.

Глаза у него были карие, почти чёрные, и Сашу особенно раздражало, что в них почти всегда пряталась усмешка.

Она нашла его через городской каталог.

Профиль открывался с предупреждением:

«Взаимодействие с пользователем может влиять на рекомендации».

— Господи, будто он радиоактивный, — пробормотала Саша.

Публичной информации было мало.

Илья Арсеньев, восемнадцать лет.

Образование: среднее общее; среднее специальное не окончено. Техникум связи: обучение прекращено, диплом не получен.

Занятость: мастерская «Второй шанс», ремонт электроники.

Район проживания: Нижний сектор.

Рейтинг: 12,4.

Саша нажала на историю изменения балла.

«Данные ограничены пользователем».

— Хоть что-то здесь можно ограничить, — сказала она.

В мастерскую она пришла после школы под предлогом сломанных наушников. Наушники работали идеально, поэтому по дороге она пару раз их уронила, но быстро поняла, что это глупо.

«Второй шанс» находился в Центральном секторе, на улице, где новенькие кофейни соседствовали со старыми мастерскими. На витрине лежали разобранные планшеты, часы, камеры и древний кнопочный телефон, выставленный как музейный экспонат.

Илья сидел за столом под лампой и паял плату.

— Орлова, — сказал он, не поднимая головы. — Ты уже соскучилась?

— У меня сломались наушники.

Он протянул руку.

Саша отдала.

Илья включил их, послушал несколько секунд и посмотрел на неё.

— Ужасная поломка.

— Что?

— Они работают.

— Иногда пропадает звук.

— Когда?

— Когда… не работают.

— Техническое описание уровня «что-то где-то не так».

Саша забрала наушники.

— Ладно. Я хотела спросить про Контур-5.

Илья перестал улыбаться.

— Где ты это увидела?

Она показала скриншот.

Он встал, запер входную дверь и опустил металлическую шторку на витрине.

Потом выключил голосовой приём заказов на рабочем планшете. Браслеты остались на руках.

— Шторка от камер? — спросила Саша.

— От людей с улицы. Запись входа всё равно есть. И то, что ты сейчас здесь, останется в маршруте.

— Тогда зачем закрываться?

— Чтобы не добавлять к маршруту запись разговора на устройстве, которое сам включил. Я не умею исчезать, Орлова. Я умею не оставлять лишнего.

— Ничего себе сервис.

На задней стене мастерской висели фотографии. Илья ребёнком рядом с женщиной в очках. Илья лет тринадцати с разобранным роботом. Та же женщина на сцене конференции перед экраном с надписью «Норма: раннее выявление социальных рисков».

— Это твоя мама?

— Да.

Илья приблизил скриншот.

— Контуры — части программы, которая рассчитывает рейтинг. Каждый проверяет своё: учёбу, связи, поведение. Я думал, их давно переименовали.

— Что значит слой?

— Например, одна часть считает, как часто ты нарушаешь правила, другая — с кем общаешься. Контур-5 оценивает вероятность неприятностей в будущем. Все результаты сводят в балл, который ты видишь на браслете.

— Значит, он оценивает то, чего ещё не было?

— Да. Это прогноз риска. Не запись о совершённом нарушении.

Он взял старый блокнот и нарисовал пять кругов.

— Мама рассказывала о первых пяти направлениях: надёжность, социальные связи, поведение, адаптация и риск. Точные названия с тех пор могли измениться.

— То есть Контур-5 — не отдел полиции?

— Программа. Но её прогноз могут получить люди, которые решают, пустить ли тебя куда-нибудь.

Саша почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

— Значит, система считает меня опасной?

— Не обязательно опасной. Непредсказуемой.

— Это лучше?

— Для государства? Нет.

Из соседней комнаты вышел хозяин мастерской — широкоплечий мужчина с рыжей бородой и кружкой чая.

— Клиенты теперь приходят через задний вход?

— Это Саша, — сказал Илья. — У неё очень сложный случай с работающими наушниками.

Мужчина протянул руку.

— Павел. Я здесь официально ответственный взрослый.

— Очень убедительно, — сказала Саша, глядя на его футболку с надписью «Я починил то, что ты обновил».

Павел рассмеялся.

После девятого класса Илья поступил в техникум связи. На втором курсе его рейтинг опустился ниже сорока: учебный грант не продлили, а платить за обучение он не мог. Пришлось уйти. Павел взял его учеником; с тех пор Илья работал в мастерской почти два года. Общие школьные предметы он позже закрыл отдельно и получил аттестат за одиннадцать классов, но диплом техникума так и не получил.

— Он разбирает всё, что видит, — пожаловался Павел. — Иногда потом даже собирает обратно.

— Клевета, — ответил Илья.

— А что ты хочешь делать потом? — спросила Саша.

Илья пожал плечами.

— Проектировать системы связи.

— Почему не учишься?

Он посмотрел на браслет.

Ответ был очевиден.

Саша впервые подумала, что двенадцать — это не просто число рядом с именем. Это двери, которые перед человеком уже закрылись.

— Ты поэтому ненавидишь рейтинг?

— Я его не ненавижу.

— Правда?

— Ненависть слишком энергозатратна. Я ненавижу варёный лук. А рейтинг я изучаю.

Он снова посмотрел на скриншот.

— И если у тебя действительно всплыл Контур-5, значит, система почему-то решила пересчитать тебя глубже обычного.

— Почему?

— Вот это хороший вопрос.

— Наконец-то я задала что-то правильное.

— Не расслабляйся.

Он переслал скриншот на старый компьютер, не подключённый к городской сети.

Саша заметила, что у него на столе лежал маленький металлический жетон с цифрой 0.

— Что это?

Илья накрыл его ладонью.

— Пока ничего.

— Очень убедительно.

— Тебе лучше не знать.

Саша посмотрела ему прямо в глаза.

— После фразы «тебе лучше не знать» любой нормальный человек хочет знать в десять раз сильнее.

— Именно поэтому я и сказал.

Он улыбнулся.

И Саша поняла две вещи.

Первая: Илья что-то скрывает.

Вторая: она обязательно выяснит что.

За следующие дни Саша заметила, что Илья всегда носит механические часы, хотя время показывает браслет. На вопрос зачем он ответил: «Они не отправляют отчёт о том, сколько раз я опоздал». Когда думал, крутил в пальцах отвёртку или монету. Когда злился по-настоящему, становился тихим.

Однажды она заняла стул, на котором он обычно сидел. Илья взял другой, но переставил его так, чтобы видеть вход.

— Паранойя?

— Привычка.

Саша подвинулась, освобождая ему место у лампы. Он поблагодарил, не объясняя больше ничего.

У Саши тоже были свои. Когда нервничала, она поправляла волосы. Когда врала матери, начинала говорить слишком подробно. Если не могла уснуть, перечитывала одни и те же три рассказа из старой бумажной книги, которую отец купил на блошином рынке. В заметках телефона у неё хранился список фраз, услышанных в городе. Некоторые были смешными. Некоторые страшными. Она говорила себе, что собирает материал для будущих текстов, хотя до сих пор не была уверена, имеет ли право называть себя писателем.

Соня, казавшаяся самой спокойной из всех, терпеть не могла опаздывать и приходила на встречи за двенадцать минут. Не за десять. Именно за двенадцать. При стрессе она считала предметы вокруг: окна, ступени, красные машины. Саша узнала об этом случайно, когда Соня посреди школьного конфликта прошептала: «Семь дверей, четыре камеры, три идиота».

— Ты что делаешь?

— Сохраняю психическое здоровье доступными средствами.

Мила Ковалёва выглядела так, будто родилась под профессиональным освещением. Высокая, светловолосая, с идеальной осанкой и привычкой проверять отражение в любом тёмном стекле. Но теперь Саша замечала другое: Мила грызла внутреннюю сторону щеки, когда боялась, и никогда не доедала десерт до конца. Даже если очень хотела. Она оставляла одну ложку, словно кто-то мог выставить ей оценку за самоконтроль.

Павел из мастерской казался человеком, которого невозможно вывести из равновесия. Широкие плечи, рыжая борода, неизменная кружка чая. Но каждый раз, когда разговор заходил о Центрах коррекции, он начинал протирать и без того чистые инструменты. Илья однажды сказал, что Павел потерял младшего брата не в буквальном смысле. Того отправили на длительную программу стабилизации пять лет назад, потом куда-то перевели, а семье сообщили, что место пребывания не разглашается «в интересах адаптации». С тех пор официально брат числился живым. Неофициально Павел не знал, где он.

Даже родители Саши перестали быть в её голове двумя простыми ролями.

Мама не просто любила порядок. Она боялась хаоса. После смерти своей матери Наталья одна растила младшую сестру почти год, пока семья решала, что делать дальше. Тогда ей было девятнадцать. С тех пор она верила: если всё предусмотреть, беда хотя бы постучит перед тем, как войти.

Отец шутил не потому, что ничего не принимал всерьёз. Наоборот. Он слишком многое принимал всерьёз и юмором оставлял себе немного воздуха. По вечерам Андрей мог двадцать минут молча чинить старый радиоприёмник, хотя новый стоил дешевле. «Вещи не обязаны становиться мусором только потому, что перестали быть удобными», — говорил он.

Саша всё чаще думала, что люди гораздо сложнее своих профилей.

И всё сильнее злилась на систему, которая делала вид, будто сложности можно аккуратно сложить в несколько чисел.

Глава 9. Правильная дружба

К пятнице рейтинг упал до восьмидесяти двух.

Мама повесила на холодильник план.

ВОЗВРАЩАЕМ 90+.

Саша прочитала:

6:40 — подъём.

6:50 — дыхательная практика.

7:00 — завтрак.

16:00 — волонтёрская активность.

18:00 — семейное общение.

20:00 — дневник благодарности.

— Где здесь предусмотрена жизнь?

— Не начинай, — сказала мама.

— Восемнадцать ноль-ноль. Искренняя близость с семьёй. Девятнадцать тридцать. Спонтанная радость.

Отец засмеялся.

— Андрей!

— Что?

— Ты её поддерживаешь.

— Я просто оценил организацию.

Мама повернулась к Саше.

— Ты не понимаешь серьёзности ситуации.

— Я понимаю.

— Нет. Институт принимает от девяноста двух.

— Может, я не хочу туда.

Фраза вылетела раньше, чем она успела остановиться.

Мама застыла.

— Что значит «не хочешь»?

— Ничего.

— Мы три года готовимся.

«Мы».

Саша заметила это слово.

Не «ты».

«Мы».

— Мне нравится писать.

Мама медленно села.

— Писать что?

— Рассказы.

— Это прекрасно.

Вот оно.

Саша уже знала продолжение.

— Как хобби.

Точно.

— Мам, а если я не хочу коммуникации?

— Потому что сейчас ты эмоционально нестабильна.

— Я думала так и раньше.

— Почему не говорила?

Саша хотела ответить.

Потому что боялась расстроить тебя.

Потому что боялась показаться несерьёзной.

Потому что девяносто четыре нравилось тебе больше, чем мои рассказы.

Но сказала:

— Не знаю.

В школе стало хуже.

Люди начали отдаляться.

Не резко.

Очень вежливо.

Сначала её перестали приглашать после уроков.

Потом в групповой проект преподаватель поставил вместо Саши Милу.

Потом Соня сказала:

— Мне родители запретили встречаться с тобой вне школы.

Саша сначала рассмеялась.

Соня не улыбнулась.

— Серьёзно?

— У меня девяносто один.

— Поздравляю.

— Они боятся корреляции рейтингов.

— Дружба теперь заразная?

— Не надо.

— Чего не надо?

— Злиться на меня.

— Я не злюсь.

Браслет коротко вибрировал.

Соня посмотрела на него.

Потом на Сашу.

Обе невольно рассмеялись.

— Видишь? — сказала Саша. — Даже он не верит.

Но Соня быстро стала серьёзной.

— Мне правда жаль.

— Тогда не прекращай со мной общаться.

Соня молчала.

Люди иногда предают не потому, что перестают любить.

А потому, что страх оказывается сильнее любви.

От этого почему-то было ещё больнее.

Ночью Саша вышла за водой и увидела родителей у холодильника. Андрей держал распечатанный план.

— Ты оставила ей двадцать минут между волонтёрством и ужином. Доехать за двадцать минут невозможно.

— Могу забрать.

— Ты в это время на работе.

Наталья взяла лист обратно.

— Я не знаю другого способа, — сказала она. — Когда мне вернули доступ к работе, я делала всё по списку. Помогло.

— А если ей сейчас нужен не тот список?

Мама не ответила. Утром на холодильнике висел исправленный лист. Волонтёрство она зачеркнула, время сна оставила. Про институт за завтраком заговорила снова.

Глава 10. Девяносто два процента совместимости

Мама решила, что падение рейтинга Александры связано в том числе с «нестабильным социальным окружением».

Поэтому в субботу устроила ей встречу с Кириллом Воронцовым.

— Это не свидание, — сказала мама.

— Тогда почему ты три раза спросила, что я надену?

— Просто дружеская встреча.

— И почему прислала его профиль?

— Чтобы тебе было спокойнее.

В профиле Кирилла было всё, что могло успокоить взрослого человека.

Рейтинг 96.

Победитель олимпиады.

Капитан команды по плаванию.

Волонтёр.

Ни одного предупреждения о нестабильности.

Алгоритм совместимости показывал 92 процента.

— Девяносто два? — сказала Саша. — Мы даже не знакомы.

— Система учитывает ценности, образование, темперамент.

— А любит ли он ананасы на пицце?

— Причём здесь это?

— Тогда какие же это девяносто два процента?

Кирилл оказался красивым, вежливым и настолько правильным, что рядом с ним Саше хотелось специально уронить вилку.

Они сидели в кафе Верхнего сектора.

— Я слышал о твоей ситуации, — сказал он.

— Уже звучит как диагноз.

— Я не осуждаю.

— Спасибо. Это щедро.

Он не уловил сарказма.

— У моей знакомой тоже было падение. Она прошла программу когнитивного согласования и за два месяца вернулась с семидесяти восьми на девяносто.

— Поздравляю знакомую.

— Ты тоже сможешь.

— А если не хочу?

Кирилл замер с чашкой у губ.

— Не хочешь высокий рейтинг?

— Не знаю.

— Но зачем тогда...

Он действительно не понимал.

Саша вдруг увидела: для него высокий рейтинг был как здоровье. Нельзя же сознательно хотеть быть больным.

— А что ты сам хочешь? — спросила она.

— В каком смысле?

— Просто. Чего ты хочешь?

— Поступить в Академию государственного управления.

— Почему?

— Это логично.

— Я спросила не что логично.

Кирилл задумался.

— У меня высокий профиль лидерства.

— Это система сказала.

— Да.

— А ты?

Он нахмурился.

— Я согласен.

— Хорошо. А если бы она сказала, что тебе надо выращивать кактусы?

Впервые Кирилл улыбнулся.

— Ты всегда такая?

— Последнее время — да. Раньше была удобнее.

Официант принёс десерт. На тарелке шоколадом было написано: «Совместимость начинается с доверия».

Саша уставилась.

— Это что?

Кирилл покраснел.

— Кафе сотрудничает с сервисом знакомств.

— Нас уже официально поженили?

— Не преувеличивай.

— Я просто хочу знать, когда знакомить родителей. Хотя наши уже справились без нас.

На выходе Кирилл остановился.

— Можно честно?

— Желательно.

— Мне с тобой интересно. Но ты сейчас слишком рискованная.

Саша сначала хотела обидеться.

Потом рассмеялась.

— Кирилл, по-моему, это лучшая характеристика, которую я слышала за месяц.

— Я не хотел сделать комплимент.

— Тем лучше.

Вечером мама спросила:

— Ну?

— Хороший парень.

Мама оживилась.

— Правда?

— Да. Мы абсолютно не подходим друг другу.

— Система показывает девяносто два процента!

— Значит, оставшиеся восемь процентов — очень важные.

Позже Саша получила сообщение от Кирилла.

Ты заставила меня задуматься, почему я хочу поступать в Академию. Это раздражает.

Она ответила:

Обращайся. У меня сейчас специализация по снижению чужой предсказуемости.

Кирилл поставил смеющуюся реакцию.

Через минуту удалил её.

Наверное, передумал рисковать.

Глава 11. Нижний сектор

Саша нашла Илью сама.

Приложение предупредило трижды:

Маршрут ведёт в район повышенного социального риска.

Она нажала «продолжить».

Вы уверены?

— Да.

Нажала снова.

Нижний сектор оказался совсем не таким, как она представляла.

Никаких костров в железных бочках.

Никто не бегал по улицам с ножом.

Работали магазины.

Дети играли во дворах.

Из окна пахло выпечкой.

— Разочарована? — спросил Илья.

Он стоял возле маленького кафе.

— Чем?

— Обычно Верх думает, что мы тут питаемся крысами.

— Я так не думала.

— Конечно.

Кафе называлось «Минус».

На двери висела табличка:

СКИДКА 10% ВСЕМ С РЕЙТИНГОМ НИЖЕ 20. ХОТЬ ГДЕ-ТО ВАМ ПОВЕЗЛО.

Саша засмеялась.

— Это ваше?

— Дяди Лёши.

За стойкой мужчина поднял руку.

— Рейтинг?

— Семьдесят восемь, — ответила Саша.

— Сочувствую.

— Почему?

— Ещё переживаешь из-за цифры.

Илья принёс чай.

— Здесь люди вообще не обращают внимания на рейтинг?

— Обращают. Когда от него зависит, пустят тебя в больницу без дополнительной проверки или нет, трудно не обращать.

— Но вы шутите.

— Если всё время плакать, лицо опухнет. Система решит, что ты ещё и плохо следишь за собой.

Саша посмотрела вокруг.

За соседним столом девушка с зелёными волосами спорила с пожилым мужчиной.

У девушки было 19.

У мужчины — 34.

Они выглядели совершенно обычными.

— За что они здесь?

— По-разному.

Илья кивнул на девушку.

— Алиса отказалась от рекомендованной специальности.

— И?

— Несколько раз.

— За это настолько снижают?

— Нет. Потом она публично написала, что выбор профессии по алгоритму похож на брак по медицинской справке.

— А мужчина?

— Врач. Подделал данные пациента.

Саша напряглась.

— То есть преступник?

— Подделал показатели тревожности подростка, чтобы его не отправили на коррекцию.

Саша замолчала.

Илья посмотрел на неё.

— У нас не все герои. Есть алкоголики. Агрессивные люди. Мошенники. Такие тоже есть.

— Тогда почему система неправильная?

— Потому что вместе с опасными она выбрасывает неудобных.

Простая фраза.

Саша поняла её сразу.

Именно это пугало сильнее всего.

Илья повёл её в старый дом.

В комнате стояло несколько компьютеров.

Без камер.

— Такое ещё существует?

— Технологии древних.

— Им лет десять.

— Для тебя это палеолит.

Он открыл папку.

Проект Норма.

— Это ранние документы рейтинговой системы.

Саша читала.

Сначала всё выглядело разумно.

Выявлять подростков в кризисе.

Предупреждать насилие.

Помогать при депрессии.

Предлагать психологическую поддержку.

Потом появились другие формулировки.

Прогноз социальной успешности.

Коэффициент полезности.

Индекс адаптивности.

Риск нежелательного поведения.

— Что значит «нежелательное»?

Илья усмехнулся.

— Удобное слово, правда? Оно ничего толком не запрещает и ничего не объясняет. Просто система считает, что твой контакт с человеком может плохо повлиять на рейтинг, поведение или так называемую стабильность.

— И что тогда?

— Тогда тебе начинают советовать общаться с ним меньше. Потом ограничивают совместные маршруты, мероприятия, рекомендации. Формально всё добровольно.

— А фактически?

— А фактически система делает так, чтобы вам становилось всё труднее оставаться рядом.

Следующий документ был подписан именем его матери.

Елена Арсеньева.

— Она разработчик?

— Психолог.

— Где она сейчас?

Илья отвернулся.

— Уехала.

Слишком быстро.

Саша почувствовала, что это не вся правда.

Но не стала спрашивать.

На экране был выделен абзац.

Система оценки не должна становиться инструментом определения ценности личности. Психологические показатели допустимо использовать для предложения помощи, но не для распределения социальных возможностей.

— Это написала твоя мама?

— Да.

— И что произошло?

— Её не послушали.

Илья закрыл документ.

— Потом рейтинг связали с университетами. Работой. Кредитами. Жильём.

— Почему люди согласились?

Он пожал плечами.

— Потому что всё происходило постепенно.

Саша снова подумала, насколько это простая вещь.

Большинство страшных перемен не входят в жизнь с барабанами.

Они приходят как обновление приложения.

Нажмите «согласен».

И живите дальше.

Глава 12. Дом на Пограничной

Второй раз в Нижний сектор Саша пришла уже не как турист.

Илья жил на Пограничной улице, название которой когда-то относилось к старой железнодорожной границе, а теперь звучало почти издевательски. С одной стороны улицы начинались отремонтированные дома Центрального сектора, с другой — кирпичные пятиэтажки Низа. Между ними не было забора. Только камеры на столбах и разные тарифы на городские услуги.

Дом Ильи был старым, с узкой лестницей и настоящими почтовыми ящиками. В подъезде пахло кофе, пылью и чьим-то супом.

— У вас тут… — начала Саша.

— Грязно?

— Я хотела сказать «по-настоящему».

— Это ещё хуже.

Квартира оказалась небольшой: кухня, две комнаты, длинный коридор. В одной комнате стоял рабочий стол Ильи, заваленный проводами, деталями и книгами. Стены были оклеены не плакатами, а схемами. На одной — карта Меридиана с цветными линиями. На другой — распечатки старых публикаций о рейтинге.

На подоконнике рос кактус.

— Это система рекомендовала? — спросила Саша.

— Нет. Поэтому он выжил.

На книжной полке она увидела фотографию Елены Арсеньевой. Женщина лет сорока с короткими светлыми волосами и внимательным лицом стояла рядом с Ильёй на берегу реки. Илье там было лет двенадцать. Он улыбался совсем иначе — открыто, без привычной насмешки.

— Ты сказал, она уехала.

Илья замер.

— Я соврал.

— Я заметила.

Он сел на край стола.

— Мама в Центре коррекции.

Саша молчала.

— Три года.

— За что?

— Официально — «стойкая деструктивная фиксация, сопровождаемая подрывом доверия к общественным институтам».

— Это диагноз?

— Если государству очень нужно, любое длинное предложение может стать диагнозом.

Он сказал это легко, но руки сжал так сильно, что побелели пальцы.

Саша села напротив.

— А на самом деле?

— Она работала в «Норме». Сначала консультировала команду как психолог. Потом проект стал больше. Им дали доступ к школам, медицине, транспорту. Мама начала спорить с тем, как используют данные.

— Потому что рейтинг стал влиять на жизнь?

— Не только.

Илья подошёл к карте.

— Она говорила, что данные собирают не просто для расчёта балла. Балл — это витрина.

— А что внутри?

— Прогноз.

Он провёл пальцем по линиям.

— Куда человек пойдёт. С кем познакомится. Когда сменит работу. Насколько вероятно, что поддержит решение властей. Будет ли участвовать в протесте. Расстанется ли с партнёром. Уедет ли из города.

Саша рассмеялась, но смех вышел нервным.

— Это невозможно.

— Точно предсказать — да. Но им не нужна точность в сто процентов. Достаточно вероятности.

— Откуда столько данных?

Илья начал перечислять, загибая пальцы.

— Браслет. Телефон. Камеры. Транспорт. Покупки. Учёба. Работа. Медицинские записи. Умный дом. Голосовые помощники. Публичные посты. Закрытые переписки — по судебному допуску.

— По судебному?

Илья посмотрел на неё.

— Так написано в публичных правилах.

Саша поняла намёк.

— А на самом деле?

— Не знаю. Мама не успела рассказать.

За стеной кто-то включил музыку. Снизу закричал ребёнок. Обычный дом жил своей обычной жизнью, и от этого разговор казался ещё страшнее.

— Где всё это хранится?

— Вот ещё один вопрос, на который никто не отвечает.

Илья показал старую схему городской сети. На ней были отмечены семь крупных узлов.

— Официально данные обезличиваются и распределяются между центрами обработки.

— Это звучит безопасно.

— Поэтому так и написано.

— И что тебя смущает?

— Один узел.

Он указал на точку под Центральным сектором.

— Здесь по документам находится резервный энергоцентр. Но трафик туда идёт как в крупное хранилище.

— Ты следишь за городским трафиком?

— Я ремонтирую сетевое оборудование. Иногда оно разговаривает больше, чем владельцы хотели бы.

— Илья.

— Ничего незаконного. Пока.

Саша посмотрела на карту.

— А мама знала об этом месте?

— Думаю, да.

Он достал из ящика старый конверт.

На нём рукой Елены было написано одно слово:

«Память».

Внутри лежала половина бумажной карты и записка:

«Если публичный балл начнёт определять судьбу человека, ищи не формулу. Ищи то, что система решила никогда не забывать».

Саша перечитала дважды.

— Почему ты раньше никому не показывал?
— Кому?
Это был хороший вопрос.
Полиции?
Управлению устойчивости?
Школьному психологу?
Системе, которая и отправила его мать на коррекцию?
— Значит, ты всё это время пытался найти хранилище?
— Пытался понять, существует ли оно.
— И?
— Теперь у меня есть человек, у которого случайно всплывает внутренний Контур.
Саша подняла брови.
— Ты хочешь использовать меня как лабораторную мышь?
— Очень красивую лабораторную мышь.
— Это самый сомнительный комплимент в моей жизни.
Илья улыбнулся.
Но на карте между ними лежала точка, которой не должно было существовать.
У них появилась тайна.

Глава 13. Клуб «Ноль»

Илья привёл Александру на встречу клуба «Ноль» в подвальном помещении бывшей музыкальной школы.

У входа работал обычный считыватель здания. Илья приложил браслет; замок открылся.

— У подполья электронный пропуск? — спросила Саша.

— Комнату арендуют. Мы не подпольная организация.

— Тогда почему все говорят тихо?

Он показал на чужой телефон, оставленный на столе экраном вниз.

— Потому что у каждого свои настройки. И своё представление о том, что можно переслать дальше.

Павел платил за помещение вместе с несколькими взрослыми. Встречаться и помогать с заявлениями пока не запрещалось. Их имена могли попасть в отчёт об общих контактах — от этого здесь не скрывались. Зато адреса людей из закрытых блоков при всех не называли. Для разбора таких дел собирались отдельно и только с согласия самого человека или его семьи.

— Почему «Ноль»? — спросила она.

— Потому что ниже уже некуда.

— Оптимистично.

— Мы думали назвать «Социальные отходы», но логотип получался длинный.

В комнате было человек двадцать. От шестнадцати до двадцати двух лет. Рейтинги — от девяти до сорока одного.

На стене висел лист бумаги:

Здесь нельзя спрашивать рейтинг, если человек сам не хочет говорить.

Саша указала на него.

— Но я же вижу цифры на браслетах.

Девушка с зелёными волосами, которую Саша уже видела в кафе, пожала плечами.

— Видеть и делать выводы — разные вещи.

Её звали Алиса.

Она училась на архитектора, пока алгоритм не рекомендовал ей бухгалтерский учёт как «более соответствующий профилю усидчивости».

— Я трижды отказалась, — рассказывала она. — На четвёртый раз написала системе, куда она может засунуть мой профиль усидчивости.

— Куда? — спросила Саша.

— Неважно. Формулировка стоила мне четырнадцать баллов.

Все засмеялись.

Рядом сидел Тимур с рейтингом двадцать восемь. Он потерял баллы после того, как публично рассказал о лечении от тревожного расстройства.

— Самое смешное, — сказал он, — мне предложили помощь. А потом университет написал, что я недостаточно устойчив для программы обмена.

— Это не смешно, — сказала Саша.

— Если долго живёшь с абсурдом, приходится выбирать: смеяться или биться головой о стену. Стена крепкая.

Была Вика, которую родители заставляли вести семейный блог. В шестнадцать она удалила аккаунт с двумя миллионами подписчиков.

— Почему?

— Потому что не могла больше завтракать красиво.

Саша не сразу поняла.

Вика объяснила:

— Любой завтрак снимался. Любой подарок снимался. Ссоры нельзя было показывать. Я однажды заболела, а мама попросила немного потерпеть, пока она снимет ролик про семейное утро.

— И рейтинг?

— Упал после удаления блога. Система посчитала резкое прекращение публичной деятельности признаком нестабильности.

Каждый рассказывал свою историю.

Саша слушала и чувствовала, как внутри меняется что-то важное.

Она привыкла считать низкий рейтинг следствием плохих решений.

Если с человеком случилось плохое, значит, он где-то ошибся. Тогда можно успокоиться: я буду вести себя правильно, и со мной такого не произойдёт.

Но перед ней сидели не страшные люди.

Просто люди.

Иногда глупые. Иногда резкие. Иногда слишком смелые. Иногда сломленные.

Илья заметил её выражение.

— Я думала, вы тут планируете взломать систему Рейтинга.

Алиса подняла руку.

— Планирование по вторникам.

— Сегодня четверг, — невозмутимо добавил Тимур. — По четвергам мы едим печенье и обсуждаем, почему система опять считает нас угрозой общественной стабильности.

— А по пятницам? — спросила Саша.

— Отдыхаем от подрывной деятельности, — ответила Алиса. — Очень утомительно быть социально опасной.

По комнате прокатился смех.

Илья наклонился к Саше:

— Разочарована?

— Немного. Я ожидала увидеть секретные экраны, пароли и карту города на стене.

— Карта есть, — сказал Тимур. — Только на ней отмечено, где самый дешёвый кофе.

— Это наша самая ценная разведывательная информация, — серьёзно добавила Алиса.

После встречи Саша задержалась.

— Что вы на самом деле делаете?

Илья пожал плечами.

— Помогаем друг другу не исчезнуть.

— В смысле?

— Когда рейтинг падает, твоя жизнь начинает сужаться. Меньше работы. Меньше учёбы. Старые друзья уходят. Семья давит. В какой-то момент человек начинает думать: наверное, система права. Наверное, я действительно хуже.

Он посмотрел на пустые стулья.

— Клуб нужен, чтобы кто-то рядом сказал: нет, ты не цифра.

— Система знает про клуб?

— Место, большую часть участников — да. Что мы обсуждаем каждый раз, не обязательно. Не путай это с безопасностью.

Илья показал пустой стул у стены. На прошлом собрании там сидела девушка, которой после нескольких посещений пересмотрели стажировку.

— Она больше не приходит. Нас не нужно всех забирать, чтобы людям стало страшно сюда ходить.

— А ты остаёшься.

— Я и так потерял почти всё, что им удобно отнимать. У тебя пока иначе. Поэтому решай сама, придёшь ли ещё.

Саша молчала.

— Звучит пафосно, да?

— Немного.

— Поэтому у нас печенье.

Она улыбнулась.

На выходе Алиса сунула ей бумажку.

— На следующей неделе вечер «Худший совет, который вам давали взрослые». Приходи.

— У меня богатый материал.

— У всех богатый.

Саша спрятала бумажку.

Браслет тут же сообщил:

Посещение незарегистрированного группового мероприятия может влиять на оценку социальной устойчивости.

Она показала экран Илье.

— Кажется, система ревнует. Ей не нравится, что я слишком много времени провожу не с теми людьми.

Илья усмехнулся.

— У вас серьёзные отношения.

— Очень. Она следит за мной с четырнадцати лет.

— Тогда это уже не отношения, а брак.

Саша фыркнула.

— Причём без права на развод.

— Значит, пора хотя бы перестать спрашивать у неё разрешения на каждое решение.

Глава 14. Пять скрытых шкал

Клуб «Ноль» помогал не только печеньем.

У Алисы оказался талант находить документы, которые государственные сайты считали давно забытыми. Тимур хорошо разбирался в официальных документах и умел находить важные детали даже в самых запутанных постановлениях. Вика знала социальные платформы изнутри, потому что до удаления семейного блога её родители сотрудничали почти со всеми крупными сервисами.

— Получается, мы команда мечты, — сказала Алиса. — Девушка, которая ругается с алгоритмами, тревожный юрист, бывший ребёнок-инфлюенсер и человек, который чинит тостеры.

— Я чиню не только тостеры, — возмутился Илья.

— Это ты говоришь, потому что тот тостер так и не починил.

Они сидели в подвале музыкальной школы вокруг старого ноутбука.

Саша показала скриншот Контур-5.

Тимур долго смотрел на него.

— Я видел похожее.

— Где?

— Когда запрашивал своё досье после того, как мне запретили программу обмена. В ответе случайно осталась строка «К3: 0,41».

— Что такое К3?

— Не знаю.

Вика подняла палец.

— У моей мамы в рекламном кабинете был показатель «сетевое доверие». Он решал, какие семьи получат доступ к государственным программам поддержки.

— Какое отношение реклама имеет к рейтингу? — спросила Саша.

— Видимо, большее, чем мы думали.

За три часа они собрали обрывки из десятков источников. Старые патенты. Руководства для муниципальных психологов. Судебные документы. Скриншоты интерфейсов, случайно попавшие в сеть.

К полуночи на стене появились пять листов.

К1 — Надёжность.

К2 — Социальный вклад.

К3 — Сетевое доверие.

К4 — Эмоциональная согласованность.

К5 — Прогнозируемость риска.

Илья сверил листы с материнскими записями. Названия частично изменились, но пятый блок по-прежнему считал риск будущих событий.

Саша приписала под ним: «Что, по их мнению, я могу сделать». Эту фразу было легче запомнить, чем служебный заголовок.

— То есть публичный рейтинг — смесь этих пяти? — спросила Саша.

Илья покачал головой.

— Не совсем. Скорее результат того, как система их сочетает.

Алиса нарисовала на доске число 100.

— Как поднять?

Они начали заполнять список.

Стабильная учёба — плюс.

Официальная работа — плюс.

Волонтёрство — плюс.

Оплата счетов — плюс.

Регулярные медицинские осмотры — плюс.

Подтверждённые социальные связи с людьми высокого доверия — плюс.

Следование рекомендациям — плюс.

— Уже звучит как инструкция по выращиванию идеального фикуса, — сказала Саша.

— Фикусу проще, — ответил Тимур. — Его не отправят на коррекцию за неправильный горшок или форму.

На второй половине доски появились минусы.

Нарушения.

Долги.

Ложные сведения.

Агрессия.

Резкая смена маршрутов.

Необъяснимые периоды отсутствия данных.

Контакты с низкорейтинговыми пользователями.

Противоречия между заявленными и биометрическими реакциями.

Отказ от рекомендованных программ.

— Подожди, — сказала Саша. — Сам по себе отказ снижает рейтинг?

Тимур нашёл примечание мелким шрифтом.

— «Систематическое отклонение персонализированных рекомендаций может учитываться как признак сниженной адаптивности».

Все замолчали.

— То есть рекомендация не обязательна, — сказала Вика.

— Конечно нет, — ответила Алиса. — Просто за отказ тебе постепенно закрывают жизнь.

Илья встал.

— Но главное не это.

Он обвёл К3 и К5.

— Сетевое доверие и риск зависят не только от тебя.

Саша почувствовала, что понимает раньше, чем он договорил.

— От людей вокруг.

— Да.

Если человек с высоким рейтингом регулярно общался с тем, у кого показатель был низким, система начинала пересматривать его профиль. Не сразу. Не автоматически. Но связь становилась сигналом.

Саша тут же вспомнила, что так объяснялась Соня.

Родители не просто боялись дурного примера. Они боялись вполне измеримого эффекта.

— Это же социальная заразность, — сказала Саша.

— В документах называется «корреляционная передача риска», — ответил Тимур.

— Конечно. Так звучит намного человечнее.

Вика внезапно спросила:

— А если наоборот? Высокий рейтинг рядом с низким может поднять его?

Все посмотрели на Илью.

— Проверим, — сказал он.

В следующие четыре дня клуб устроил эксперимент. Алиса гуляла с девушкой из университета, у которой было девяносто три. Тимур участвовал в официальном волонтёрстве с высокорейтинговой группой. Илья несколько раз встречался с Сашей в публичных местах.

Результат оказался странным.

У Алисы — плюс 0,4.

У Тимура — плюс 0,7.

У Ильи — ноль.

Зато у Саши после двух встреч с Ильёй — минус 1,3.

— Очень справедливо, — сказала она. — Твой рейтинг на меня действует, мой на тебя нет.

Илья смотрел на таблицу.

— Потому что я в другом классе риска.

— Что значит «класс риска»?

Он увеличил старый документ.

Там было слово, которого раньше никто не заметил:

«Фиксированный профиль».

Некоторые пользователи после определённого порога переставали оцениваться так же, как остальные.

Система считала их не людьми, которым нужно помочь вернуться, а устойчивым источником риска.

— То есть твои двенадцать почти невозможно поднять? — тихо спросила Саша.

— Похоже на то.

Он произнёс это спокойно.

Слишком спокойно.

Саша увидела, как он устал. Илья смотрел на таблицу и больше не пытался её рассмешить.

Там жила усталость.

Долгая, старая, почти привычная.

Алиса сорвала со стены лист «К5».

— Тогда вопрос не «как считают рейтинг».

— А какой? — спросила Вика.

Алиса посмотрела на них.

— Кто решил, что некоторым людям больше нельзя измениться?

Глава 15. Ночь без камер

Через неделю Илья предложил Александре эксперимент.

— Четыре часа без камер.

— Где ты найдёшь место без камер?

— Я профессиональный социальный риск.

Они дошли до старого тоннеля технического метро, давно закрытого для движения. У первой лестницы стояли свежий замок и муниципальная камера. Илья остановился, проверил отметку на старой схеме и повёл Сашу обратно. До другого входа шли почти сорок минут. Там тоже пришлось ждать: по галерее проходил сотрудник с инструментами. Только после его ухода они спустились к ответвлению, где ребята иногда собирались. Несколько диванов, аккумуляторные лампы, чайник от переносного питания и коробка настольных игр. Илья не называл это убежищем: комнату уже дважды оставляли на недели после чужих следов у входа.

Телефон здесь не ловил сеть.

Браслет переходил в автономный режим.

На экране появился значок локальной записи.

— Он выключился?

— Связь пропала. Пульс и движение он продолжает хранить. Наверху передаст. Камера у первого входа тоже никуда не делась.

— Значит, узнают, где мы были?

— Могут сопоставить входы и время без сигнала. Не обязательно узнают, о чём говорили. Если придёт уведомление о проверке маршрута, не ври про библиотеку.

Саша посмотрела на лестницу. Илья подождал, не уговаривая. Она сама прошла к лампе.

— И что делать? — спросила Саша.

— Жить.

— Очень конкретно.

— Можешь начать с чая.

Первые десять минут ей было физически неуютно.

Рука сама тянулась к телефону.

— Связи нет, — напомнил Илья.

— Я просто время посмотреть.

— Часы на стене.

— Они аналоговые.

— Держись. Ты справишься.

Саша показала ему язык.

Через полчаса пришли Алиса, Тимур, Вика и ещё несколько ребят. Они играли в карточную игру, где нужно было придумывать самые нелепые государственные уведомления.

Тимур победил фразой:

Ваш уровень спонтанности ниже нормы. Пожалуйста, немедленно сделайте что-нибудь неожиданное по инструкции.

Саша смеялась так, что заболел живот.

Потом кто-то включил музыку со старого проигрывателя.

Алиса танцевала ужасно.

И гордилась этим.

— Ты специально? — спросила Саша.

— Нет. Природный талант.

Саша тоже встала.

— Я не умею танцевать.

— Здесь никто не оценивает.
Фраза оказалась сильнее, чем должна была.
Саша замерла.
Здесь действительно никто не снимал.
Никто не выкладывал.
Не было сердечек.
Не было рейтинга активности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.